

Теория и исследования

Личность в контексте культуры

Татьяна Савченко

АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ: ЛИЧНОСТЬ И СУДЬБА

Через 50–100 лет будут изучать русскую эмиграцию в целом и по отдельным ее великим людям в частности. На изучение будут отпущены средства, ряд людей заточит себя на годы в архивы; муниципалитеты городов переименуют некоторые свои улицы, дав им имена этих людей, поставят им на своих площадях памятники. Будут написаны десятки книг со ссылками на «горький хлеб изгнания»; книги будут свидетельствовать о тяжелой нужде, страданиях, людском безразличии, раннем забвении, близорукости и попустительстве современников...

Петр Балакшин, 1937

«Мы жили тогда на планете другой...»

Выпуская в 1953 г. в Нью-Йорке свою антологию русской эмигрантской поэзии, составитель Юрий Иваск назвал ее «На Западе» и в предисловии констатировал, что «данные о дальневосточных поэтах отсутствуют» [1]. В отличие от литературы западной русской эмиграции, русская зарубежная литература Дальнего Востока и сегодня изучена ничтожно мало. А она, представленная такими именами, как Арсений Несмелов, Валерий Перелешин (Салатко-Петрище), Марианна Колосова, Юстина Крузенштерн-Петерец, Алексей Ачаир (Гры-

зов А.А.), Ольга Скопиченко, Лариса Андерсен, Василий Обухов, Григорий Ржевский (Сатовский), Николай Щеголев (добавим в этот список и жившего в Шанхае в 1935–1943 гг. Александра Вертинского), – неотъемлемая часть единой русской литературы XX века.

Из перечисленных поэтов Арсений Несмелов (псевдоним, настоящая фамилия – Митропольский, 1889–1945), автор тринадцати сборников стихов и прозы, произведения которого разбросаны по миру и находятся в настоящее время в личных архивах в России, Испании, США, Австралии, – без сомнения, наиболее значительный и крупный поэт русского восточного зарубежья. В нашей стране честь открытия поэзии Арсения Несмелова принадлежит Е.В.Витковскому, много сделавшему для того, чтобы русский читатель узнал и полюбил поэта.

Русское дальневосточное зарубежье

К настоящему времени, благодаря работам отечественных и зарубежных исследователей (Штейн Э., Витковский Е., Крейд В., Бакич О., Таскина Е., Агеносов В., Иванов Ю., Бузуева О., Соловьева Т., мемуаристы Перелешин В., Хаиндрова Л., китайские литературоведы Дяо Шаохуа, Ван Джи Чан, Сюй Гохун, Чен Лэй, Лю Хао, Цзяо Чень, Ли Иннань), постепенно восстанавливается во всей ее сложности и полноте панорама литературной жизни русского дальневосточного зарубежья, серьезное научное изучение которой только начинается и которая оказывается не менее насыщенной, интересной и, вместе с тем, более трагической, чем западная. Обе ветви русской эмиграции, дополняя одна другую, составили в свое время литературу «русского рассеяния», а в наши дни вливаются двумя равноценными потоками в общее русло русской литературы XX века.

Биография
Арсения Несмелова

Арсений Несмелов родился в Москве, в семье статского советника, увлекавшегося толстовскими идеями. До 1905 г. учился во Втором кадетском корпусе, где двумя десятилетиями ранее обучался А.И.Куприн. Русскому писателю-реалисту будет посвящен впоследствии автобиографический рассказ Несмелова «Второй Московский», включенный автором в сборник «Рассказы о войне» (Харбин, 1936). Одиннадцатилетний кадет Ртищев наделен здесь чертами кадета Митропольского, образ которого встречается и в стихотворном творчестве Несмелова: «И давно мечтаю о себе – /О веселом маленьком кадете, /Ездившем в Лефортово на «Б» («Женщины живут, как прежде, телом...») [2].

В годы Первой мировой войны Арсений Митропольский служил на Западном фронте в 11-м гренадерском

Фанаторийском полку – прапорщиком, подпоручиком, поручиком. События этих лет оживут впоследствии в стихотворениях «27 августа 1914 года», «Подарок», «Солдатская песня», «Память» (сборник «Белая флотилия» (Харбин, 1942) и в рассказах «Короткий удар», «Богоискатель», «Полковник Афонин» (сборник «Рассказы о войне»). Был ранен. Удостоен боевых наград за мужество и личную доблесть (в том числе награжден четырьмя орденами). В октябре–ноябре 1917 г. принимал участие в восстании юнкеров в Москве.

«Мы – белые...»

Именно в эти дни А. Митропольский-Несмелов выбирает свою Судьбу («Так наша началась борьба»):

Мы – *белые*. Так впервые
Нас крестит московский люд.
Отважные и молодые
Винтовки сейчас берут.

(«Восстание», 302).

После поражения восстания, в 1918 г. он уезжает в Омск, в армию А.В. Колчака, и этот год считает отныне годом своего духовного рождения («Мы – дети восемнадцатого года», 89), что дает ему право через десятилетие в сборнике «Кровавый отблеск» (Харбин, 1928), горько отметив: «Все меньше нас, отважных и беспутных, /Рожденных в восемнадцатом году», посвятить этому году прекрасные и вдохновенные строки:

И обреченный, он пылал отвагой.
Был щит его из гробовой доски.
Сражался он надломленную шпагой,
Еще удар, и вот она – в куски.
Ничьи знамена не сломила гибель,
Не прогремел вослед ничей салют.
Но в тех сердцах, где мощно след он выбил,
И до сих пор ему хвалу поют.

/.../ Хвала тебе, год-витязь, год-наездник,
С тесьмой рубца, упавшей по виску.

Ты выжег в нас столетние болезни:

Покорность, нерешительность, тоску.

(«Восемнадцатому году», 78–79)

«Мы бежим,
отбитые от стаи...»

С разбитыми остатками армии А.В. Колчака («Мы отползали, /Задом пятясь, /Уже Урал отдав врагу...» – «У карты», 64) А. Несмелов оказывается во Владивостоке, центре Дальневосточной буферной республики:

Мы бежим, отбитые от стаи,
Горечь пьем из полного ковша,
И душа у нас совсем пустая,
Злая, беспощадная душа.

Всходит месяц колдовской иконой, –
Красный факел тлеющей тайги.
Вне пощады мы и вне закона, –
Злую силу дарят нам враги.

Ненавидеть нам не разучиться,
Не остыть от злобы огневой.
...Воет одинокая волчица,
Слушает волчицу часовой.

Тошно сердцу от звериных жалоб,
Неизбывен горечи родник...
Не волчиха, родина, пожалуй,
Плачет о детенышах своих.

(«На водоразделе», 82)

С 1922 г. он является сотрудником газеты «Дальневосточная трибуна», после ее закрытия переходит на положение «свободного журналиста», много печатаясь в русской периодике соседнего Китая: журналах «Рубеж», «Луч Азии», альманахе «У родных рубежей», газете «Рупор» и др., не гнушаясь и литературной поденщины: критических разборов, рифмованной рекламы и фельетонов в стихах. В 1924 г. бывший белый офицер А. Митропольский бежал через тайгу в Китай и обосновался в Харбине:

Словно маятник молотком, –
Об одном, об одном, об одном:
Не Россия ли за окном?
Не последний ли взор ее,
Не последнее ль острие
В сердце беженское мое?

(«Разве жизнь бывает тесна...», 241)

«Один из способов выражения своей личности»

20 августа 1945 г., после занятия Харбина советскими войсками, А. Несмелов был арестован. Дата его смерти, долгое время остававшаяся неизвестной, выяснилась лишь в 1970-е гг.

«Поэзия для человека – один из способов выражения своей личности», – писал Николай Гумилев в своих «Письмах о русской поэзии» [3]. Исследование творчества А. Несмелова – это исследование личности русского писателя не в ее обыденной, будничной («нормальной») обстановке, а в обстоятельствах исключительных и экстремальных – в обстоятельствах эмиграции. Именно эмиграция сделала из Арсения Несмелова писателя трагического склада. Почти все его творчество автобиографично, что дает возможность отождествлять образ самого поэта и его лирического героя.

Стихи Арсений Митропольский начал писать еще в кадетском корпусе (сначала тайно), и первые его публикации – в «Ниве» – относятся к 1912–1913 гг. Некоторые произведения его сборника «Стихи» (Владивосток, 1921) не свободны от различных влияний. Еще далеко до того уровня стихотворного и словесного мастерства, которое поэт продемонстрирует в своих зрелых сборниках. В ранней поэзии Несмелова – при всей ее оригиналь-

ности и самобытности – можно обнаружить переключку с творчеством различных поэтов: И. Северянина, М. Цветаевой (с которой он состоял в длительной переписке), Н. Асеева, В. Маяковского (с которым был лично знаком). Явственно здесь и влияние северянинской музы с ее салонным дендизмом:

Запах вдыхая аниса,
Хочется выпить ликер,
Но нарядить Адониса
В фракный костюм – куафер.

(«Голубой разряд», 25)

А. Несмелов иногда прямо заимствует северянинскую лексику («громокипящие законы», «надоедный день»), так же отдает предпочтение составным неологизмам («слезотечь», «смехозыбь», «морелюбы», «веселая Оль-Оль»), подхватывает у своего предшественника ритмический рисунок «поэзы», окрашенной – северянинской же – ироничностью:

Вы растоптали завязь
Бледного fleur d'orang'a...

...

Взгляды мужчин – наркотик
(Ласки оранг-утанга!),
Ваш искривленный ротик –
Это, пожалуй, боль.

(«Истеричка.

Лирический репортаж, 29–30»)

Только найдя свою собственную тему – тему романтики Белого движения, поражения и изгнанничества («Но по ночам заветную строфу / Боюсь начать, изгнанием подрублен...» – «О России», 104), Арсений Несмелов вырастает в большого поэта, взыскательного художника, выразившего ярче, чем кто-либо другой из поэтов русского дальневосточного зарубежья «тоску, острей которой нет» («Родина», 164), разлуки с родной землей. Воспетые Мариной Цветаевой в ее Лебедином стане рыцари Белого движения в несмеловских стихах так же сражаются, гибнут или – после поражения – скитаются в эмиграции, превратившись в «воинов с котомками» [4]. Доминантой несмеловского творчества, главным стержнем его человеческой и поэтической судьбы становится лично им выстраданная тема эмиграции, вместившая «четверть века беженской судьбы» («Великим постом», 225) и достигающая такой высоты и пронзительной силы, что это ставит его в ряд самобытнейших русских поэтов.

Источником надежды и веры для А. Несмелова на всем протяжении его творчества всегда оставались русский язык и Россия, очень часто выступающая в его стихах как категория духовная и нравственная. Вместе с тем образ России для поэта многозначен, что раздвигает гра-

«Боюсь начать,
изгнанием
подрублен...»

«Ведь вы же
женщина –
о Родина!»

ницы его лирики, – он может быть затаенно интимным и глубоко личным. Если в русской литературе традиционно восприятие России в образе матери (исключение здесь составляет лишь поэзия Александра Блока, в которой образ России предстает различными гранями: возлюбленной – невесты – жены), то для А. Несмелова Родина выступает не только в традиционном образе, но и в образе любимой женщины, с которой лирического героя связывают сложные, драматические отношения. Свое прощание с ней в 1924 г. (стихотворение «Переходя границу») он сравнивает с прощанием с любимой женщиной, когда мужчине, несмотря на смертельную боль и обиду, следует вести себя мужественно и сдержанно, без упреков и жалоб. Несколько раз для передачи живой, естественной разговорной речи использован такой авторский прием, как перенос части фразы из одной строки в следующую (enjambement):

Пусть дней немало вместе пройдено,
 Но вот не нужен я и чужд,
Ведь вы же женщина – о Родина! –
 И, следовательно, к чему ж
 Все то, что сердцем в злобе брошено,
 Что высказано сгоряча.
 Мы расстаемся *по-хорошему*,
 Чтоб никогда не докучать
 Друг другу больше. Все, что нажито,
 Оставлю вам, долги простив,
 Вам эти пастбища и пажити,
 А мне просторы и пути.
 Да ваш язык. Не знаю лучшего
 Для сквернословий и молитв.
 Он, изумительный, – от Тютчева
 До Маяковского велик. (81)

Выброшенный в чужой ему мир, А. Несмелов очень остро ощущал трагизм своей судьбы. Если, например, в художественном мире другого известного русского поэта-эмигранта Валерия Перелешина (1913–1992), выросшего в Харбине, взаимодействуют, вращая друг в друга, три равнозначных текста – русский, китайский, бразильский, и для него китайская тематика органична и естественна, то для Арсения Несмелова эмиграция – трагедия, и он, русский, остается внутри чужой культуры.

«О России»

В сборниках эмигрантского периода («Кровавый отблеск», «Без России», «Полустанок», «Белая флотилия») сознание обреченности переплетается с отчетливым пониманием необратимости происшедших в России перемен и невозможности туда вернуться: «Россия отошла, как пароход /От берега, от пристани уходит...»

(«О России», 103). Прочно врезаны в память эпизоды, обретающие свою значительность только потому, что связаны с Россией («Родина»): с «горечью бездонной» вспоминается провинциальный русский городок («Тихвин»), тишина арбатских переулков («Как на Россию непохоже», «Москва пасхальная»), с безмерным сочувствием показаны последние земные минуты старого русского генерала, ищущего на карте родную тамбовскую деревню («Кончина»).

Пылится в ломбарде ростовщика связка русских орденов, и среди них – белая эмаль и строгий простой рисунок св. Георгия («В ломбарде»):

Не алчность – робость чувствую в глазах
Тех, кто к тебе протягивает руки,
И ухожу... И сердце все в слезах
От злобы, одиночества и муки. (78)

Три поэта-воина

Георгиевский крест для боевого офицера Арсения Митропольского-Несмелова, как и для его предшественника Николая Гумилева (у которого «...святой Георгий тронул дважды / Пулею не тронутую грудь» [5]), – высший солдатский «знак доблести» («В гостях у полковника», 229), воспетый во многих его стихах. Примечательно, что именно в строках об ордене св. Георгия, свидетельствующих о русской боевой славе, в стихах А. Несмелова появляется образ Н. Гумилева с эпитетом «прекрасный»: «Твой знак носил прекрасный Гумилев, / И первым кавалером был Кутузов!» (78). Напомним, что в русской поэзии Серебряного века, по сути, – только три поэта-воина: поручики Николай Гумилев, Арсений Несмелов и казачий подъяесаул Николай Туроверов, каждый со своей трагической судьбой.

Но горше всего для поэта то, что для России навсегда потеряно молодое поколение:

Кто осудит? Вологдам и Бийскам
Верность сердца стоит ли хранить?..
Даже думать станешь по-английски,
По-чужому плакать и любить.
Мы – не то! Куда б ни выгружала
Буря волчью костромскую рать, –
Все же нас и Дурову, пожалуй,
В англичан не выдрессировать.

(«Пять рукопожатий», 88)

К потомку, через столетия задумавшемуся над «многоречивым» томом» «Наша эмиграция в Китае» [6] поэт обращает свое «не суди!»:

«...Из твоего окна
Не открыты канувшие дали:
Годы смыли их до волокна,

Их до сокровеннейшего дна
Трупами казненных закидали!
(«Потомку», 152).

Обостренное
чувство личности

У А. Несмелова в высокой степени развито обостренное чувство личности, личного самосознания. Его внимание привлекают такие же личности, такие же индивидуальности, как он сам, люди сильного и цельного характера. Весьма примечательно, что в его поэзии вообще отсутствует тема двойничества, тема раздвоения и раздробления личности, столь распространенная как в мировой, так и в русской литературе рубежа XIX–XX веков.

Нельзя не заметить глубокого родства поэтического мировосприятия Арсения Несмелова, автора поэм «Восстание», «Декабристы» (1925), «Через океан» (1930), «Протопопица» (1938–1939), посвященных людям сильного и цельного характера, и Николая Гумилева. В жизни и творчестве Николая Гумилева и Арсения Несмелова немало общего: почти ровесники, офицеры русской армии, активные участники Первой мировой войны, отмеченные боевыми наградами за доблесть и личное мужество, убежденные монархисты, оба они исповедовали кодекс рыцарской чести, отстаивали последовательно непримиримую позицию в отношении к событиям 1917 г.: «Грознейшей из всех революций / Мы пулей ответили: *нет!*» («Встреча вторая», 90).

Проза Арсения
Несмелова

Прозу А. Несмелова – рассказы о сражениях Первой мировой войны («Короткий удар», «Богоискатель», «Полковник Афонин» и др.), его рассказы о военных буднях («Номер второй», «Атака», «В земле», «Будни», «В резерве», «Над Вислой» и др.), составившие первую из его опубликованных книг «Военные странички» (1915), вышедшую с грифом «Печатать разрешено военной цензурой», сближает с гумилевскими «Записками кавалериста» (также 1915 г.) авторский взгляд на войну – глазами очевидца и участника – как на нелегкий, но честный труд. Гумилевское восприятие воинов как «тружеников, медленно идущих / На полях, омоченных в крови, / Подвиг сеющих и славу жнущих» [7], близко несмеловскому: « – Умерли честно в труде боевом!» – («Солдатская песня», 142). Поэт-воин, поэт-рыцарь – эти обычно приложимые к Н. Гумилеву определения вполне могут быть отнесены и к А. Несмелову.

С творческой манерой Н. Гумилева А. Несмелова сближала интенсивная работа по углублению смыслового содержания слова, лексическая четкость и строгость, определенного характера звукопись – акцентированно звонкие рифмы:

Всадник устало к гриве ник,
 Птицы летели за море.
 Рифма звенит, как гривенник,
 Прыгающий на мраморе.

(«Морелюбы», 34–35).

Так же, как Н. Гумилев, А. Несмелов вводит в произведение повествовательный элемент, и его произведениям так же свойствен полуэпический характер – это прежде всего относится к балладной форме с ее объективным миром зрительных образов, строгой композицией, чеканной лексикой, энергичным ритмом («Суворовское знамя», «Стихи о револьверах», «Легенда о драконе», «Баллада о даурском бароне» и др.).

В творчестве А. Несмелова оживают сильные гумилевские личности, картины и образы его произведений. В несмеловских стихах воины, всегда готовые «убить и умереть» («Броневик», 75), исповедуют кредо гумилевских героев: «Нет к былому возврата!» («Пираты», 29 – Ср. с гумилевским «Лучше слепое Ничто, / Чем золотое Вчера!» [8]). Лексика А. Несмелова близка гумилевской: «пули ожог» («Встреча вторая», 90), «поцарапанный злой винчестер» («Тишина», 56), «пистолета тугой зубренный курок» («Рассказ», 63), «браунинг, забытый меж игрушек» («В ломбарде», 78), – однако в абсолютном большинстве своем она проще, грубее, без приподнятой романтизированнойности Н. Гумилева: «И стали пить из голубых баклаг / Согретую и взболтанную водку» («Разведчики», 65). В произведениях А. Несмелова – столь же экзотические для глаза европейца, как картины гумилевской Африки, картины уссурийской тайги: сопки, распадки, ущелья, заросли гаоляна, фанзы зверовщиков и женьшеньщиков, тигровые и кабаньи тропы, чумиза на огне костра.

Согласно Н. Бердяеву, которого всегда интересовали проблемы человека, личности, творчества и который писал в своей работе «Смысл истории»: «Человеческая судьба есть не только земная, но и небесная судьба, не только историческая, но и метафизическая судьба, не только человеческая, но и Божественная судьба, не только человеческая драма, но и Божественная драма» [9], **все люди делятся на две категории: одни живут, исповедуя чувство обиды, другие – чувство вины.** Несомненно, последнее более свойственно русскому менталитету: «Весь характер русской мысли, русской философии, русского морального склада и русской государственной судьбы несет в себе что-то мучительное» [10]. По справедливому наблюдению того же автора, русская творческая мысль всегда обращена к Апокалипсису: «Мы творили

О человеческой судьбе

от горя и страдания; в основе нашей великой литературы лежала великая скорбь, жажда искупления грехов, мира и спасения» [11].

Тема вины и
покаяния

Наметившись в сонете Максимилиана Волошина «Мир» (ноябрь 1917 г.), тема вины и покаяния за равнодушные, пассивность, обернувшиеся предательством, «Иудиным грехом» в годы революции и гражданской войны, —

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогали, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях.

Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволоч на гноище, как падаль [12], —

красной нитью проходит через творчество всех крупных русских поэтов XX века, не исключая и наших современников. Это чувство в высшей степени присуще Борису Чичибабину, автору «Плача по утраченной родине» (1992):

При нас космический костер
беспомощно потух.
Мы просвистали свой простор,
проматерили дух.

К нам обернулась бездной высь,
и меркнет Божий свет...
Мы в той отчизне родились,
которой больше нет [13].

Ощущение личной
вины

Особое место тема вины и покаяния занимает в творчестве Арсения Несмелова. В отличие от Н. Гумилева, при известии о екатеринбургской трагедии 17 июля 1918 г. давшего клятву: «Никогда и м (разрядка наша. — Т.С.) этого не прощу» [14], А. Несмелов остро ощущал как *общую*, так и свою *личную* вину за происшедшее со страной, с Государем, вину за поражение в гражданской войне, за преданного и отданного белочехам Адмирала (стихотворения «В этот день», «Цареубийцы», «Пели добровольцы. Пыльные теплушки...», «В Нижнеудинске»). В его произведениях часто присутствуют и взаимодействуют такие категории, как грех и совесть:

Вопрошает совесть, как священник,
Обличает Мученика тень...
Неужели, Боже, нет прощенья
Нам за этот сумасшедший день! (145)

Впервые эта тема появляется в поэме «Восстание», в основу которой положены подлинные исторические события (к примеру, знаменитое восстание юнкеров), имевшие место в Москве в октябре–ноябре 1917 г. и активным уча-

стником которых был А. Митропольский. Известно, что впервые с чтением своей поэмы А. Несмелов выступил на владивостокском «Вечере поэтов» 23 января 1923 г., и в том же 1923 г. фрагмент из нее был опубликован в «Октябре» – литературно-художественном приложении к владивостокской газете «Красное знамя» [15]:

«Вперед! Помогите,
создатель!»

– Вперед! Помогите, Создатель! –

И снова ружье в руках.

Но заперся обыватель,

Как крыса, сидит в домах.

Мы заняли Кремль, мы – всюду

Под влажным покровом тьмы,

И все-таки только чуду

Вверяем победу мы. (302–303)

И далее:

Отважной горсти юнкеров

Ты не помог, огромный город, –

Из запертых своих домов,

Из-за окон в тяжелых шторах –

Ты лишь исхода ждал борьбы

И каменел в поту от страха,

И вырвала из рук судьбы

Победу красная папаха. /.../

А те, кто выдержали брань,

В своем изодранном мундире

Спешат на Дон и на Кубань

И начинают бой в Сибири. (305–306)

«Без России»

Арсений Митропольский принадлежал к последним.

Тема вины и покаяния – основная во многих произведениях А. Несмелова и постоянная в его поэтических сборниках разных лет. Она присутствует в стихотворении «Леонид Ещин» (сборник «Без России», 1931):

Докатились. Верней – докапали

Единицами: рота, взвод...

И разбилась фаланга Каптеля

О бетон крепостных ворот.

Нет, не так! В тыловые топи

Увязили такую сталь!

Проиграли, продали, пропили,

У винтовок молчат уста. (93–94)

«Цареубийцы»

Она – в стихотворении «Цареубийцы» из более позднего сборника «Белая флотилия» (1942), который отделяет от предыдущего более десяти лет. «Цареубийцы» – страшное и горькое обвинение поэта своему окружению, в том числе и себе:

Мы теперь панихиды правим,

С пышной щедростью ладан жжем,

Рядом с образом лики ставим,

На поминки Царя идем.

Бережем мы к убийцам злобу,

Чтобы собственный грех загас,

Но заслали Царя в трущобу
Не при всех ли, увы, при нас? /.../
Только горсточка этот ворог,
Как пыльцу бы его смело:
Верноподданными – сто сорок
Миллионов себя звало.
Много лжи в нашем плаче позднем,
Лицемернейшей болтовни, –
Не за всех ли отраву возлил
Некий яд, отравляющий дни.
И один ли, одно ли имя
Жертва страшных нетопырей?
Нет, давно мы ночами злыми
Убивали своих Царей.

И над всеми легло проклятье,
Всем нам давит тревога грудь:
Замыкаешь ли, дом Ипатьев,
Некий давний кровавый путь! (145–146)

«Но русской вере
не изменим мы»

Своей клятве – «Но русской вере не изменим мы / И не забудем языка родного» («Великим постом», 225) – А. Несмелов оставался верным всю свою жизнь. Цельность его личности проявляется, с одной стороны, в том, что превыше всего на свете он ценил верность – своему делу, боевым товарищам («Верность есть в любви, верность есть в бою, /Нет у Бога превыше дара», 225), боевым командирам (много прекрасных и горьких строк поэт посвятил А.В. Колчаку – см. стихотворение «В Нижнеудинске»); а с другой – в той последовательности, с какой он развивал постоянные свои темы, к концу своей жизни не отказавшись ни от одной из них. Уже в 1940-е годы он писал:

Вздохнуть ли здесь, что «не было судьбы»,
Что навсегда для нас закрыты дали,
Но ведь живет поэзия борьбы,
Которой увлеченно мы дышали.
Мы только ль в прошлом, только ли в былом?
Нет, все еще звучит стальная лира... (228)

Неизбежность
духовной работы

«Поэзия и религия, – считал Н. Гумилев, – две стороны одной и той же монеты. И та и другая требуют от человека духовной работы. Но не во имя практической цели, как этика и эстетика, а во имя высшей, не известной им самим» [16]. Христианская покорность Божественному Провидению, вера в Христа, в Страшный суд, в «свет Христов, который и во тьме светит» [17], пронизывает все несмеловское творчество, все его радостные и горькие минуты. Собственно, несмеловское «И, быть может, на суде Христовом / Мне зачтется эта вот герань» («Герань», 227) – один из аспектов памятного гумилевского из его программно «Мои читатели» (1921):

Поэзия – сила,
способная спаять
прошлое и будущее

И, представ перед ликом Бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно Его суда [18].

Для Н. Гумилева на всем протяжении его творчества поэзия являлась магической, сверхъестественной силой – единственной, могущей спаять неразрывной цепью **прошлое и будущее**. Не случайно поэтому и свою поэтическую личность Н. Гумилев вслед за символистами во многом формировал по образу и подобию своих романтических персонажей. Он придавал огромное значение роли поэта, поэзии в обществе на различных этапах его развития. Гумилевское представление о назначении поэта воплотилось в его мечте о «золотом времени», когда общество будет управляться не политиками, а кастой (расой?) друидов, поэтов-магов. Не случайно поэтому составленную им Программу курса лекций по истории мировой поэзии Н. Гумилев открыл темой «Друидизм» [19]. Приведем в этой связи помету А. Блока на полях одного из стихотворений сборника Н. Гумилева «Костер» («И будут, как встарь, поэты / Вести сердца к высоте, / Как ангел водит кометы / К неведомой им мете»): «Тут вся моя политика» – сказал мне Гумилев» [20].

Николай Гумилев, в 1911 г. основавший объединение «Цех поэтов», закладывает в его основу мысль о поэтическом творчестве как ремесле, которое, как всякое ремесло, требует не только вдохновения, но, в первую очередь, умения и мастерства. А. Несмелов, полностью разделявший эти представления, руководит в Харбине литературным кружком русской молодежи, а поэты харбинской литературной группы «Молодая Чураевка» (Л. Андерсен, В. Перелешин, Н. Щеголев, Л. Хаиндрова, В. Слободчиков) считают его одним из своих учителей.

«Я сердце нес...»

Арсений Несмелов трактует поэтическое творчество как упорный, кропотливый труд, схожий с работой мастера-ювелира («Постукивая точным молоточком, / Шлифуя речь, как индус – шар из яшмы...» – «На заданные рифмы», 197), требующий от художника максимальной самоотдачи, за который приходится платить самой высокой ценой – кровью, зачастую жизнью:

Окончен труд, с погасшей папиросой,
С душой угасшей встал из-за стола...
Как раненый, ладонь прижавший к ране,
Я сердце нес...
Воистину непобедимо круты
Ступени восхожденья к Божеству...

(характерно название цитируемого стихотворения – «Изнеможение», 107).

Вслед за Н. Гумилевым А. Несмелов отстаивает право поэта на романтическую мечту в расчетливо-прагматическом XX веке:

Поэт не поет, не бряцает, –
Он пишет, он лиру отверг...
Но все-таки тайна мерцает
Над ним. Ореол не померк
Таинственности, романтизма.
Горячих бессонных ночей...

(«Моему «Ундервуду», 190–191).

«Я хочу, чтоб к штыку *приравняли* перо», – писал Владимир Маяковский. В творчестве Арсения Несмелова после поражения в гражданской войне перо *сменяет* оружие. Когда-то неразлучимый с револьвером («Ты – в вытертой кобуре, / Я – в старой солдатской шинели...», 67), он и годы спустя помнит до мелочей все приметы своего личного оружия:

Любил я еще веблей
(С отскакивающей скобою).
Нагана нежней и злей,
Он очень пригож для боя.
/.../ Он пламя стволом лакал,
Ему незнакома оробь...
Его я швырнул в Байкал,
В его голубую прорубь.

А маузер – это вздор!
Лишь в годы, когда тупеют,
Огромный его топор
Выпяливают портупей...

(«Стихи о револьверах», 69).

В Харбине

В годы эмиграции, в Харбине, таким же близким другом, как прежде револьвер, и единственным спутником бессонных ночей поэту служит карандаш – символ и атрибут поэтического творчества, иногда «живой» («Память», 139), иногда – «осторожный» («Свет зажжен. Журнал разрезан...», 199), но всегда – самый близкий, кому можно доверить глубоко личное. В качестве примера приведем не вошедшее в прижизненные сборники А. Несмелова стихотворение о любви (двадцать строк), в котором зашифровано имя Елена и которое, наряду со стихотворениями А. Несмелова «За» (сборник «Без России», 1931) и «Флейта и барабан» (сборник «Белая флотилия», 1942), являющимися собой поразительную гармонию лирического чувства и мастерского совершенства поэтической формы, можно поставить в один ряд с высокими образцами русской любовной лирики:

... День отошел... Отяжелевший, лег,
Как вол послушный или слон рабочий,
И эти двадцать или тридцать строк
Едва-едва я выпрошу у Ночи.

Не выпрошу – так вырву... Карандаш,
 Покорный друг видений, льнущий к окнам, –
 Еще одни стихи ты мне отдашь,
 Что зачинались ямбом пятистопным...

А нужно мне сказать лишь об одном:
 О том, что сердце, стиснутое в обруч
 Томления, оберегало днем,
 И что теперь взошло, как женский образ...
 Не назову, не выскажусь ясней,
 Не обозначу знаком, цифрой, годом,
 Не намекну, не прошепчу во сне,
 А зашифрую самым строгим кодом...
 ...Спасибо, Ночь. Спеши над миром течь
 Туманами, огнями голубыми...
 А мне, как заговорщику, беречь
 Еще Гомеру ведомое имя.

(«...День отошел...Отяжелевший, лег...», 197)

Назначение поэта

Характерно, что у А. Несмелова только карандаш – символ и атрибут поэтического творчества, интимный друг; перо же в его стихах появляется лишь эпизодически (например, в стихотворении «Ночью думал о том, об этом...», 156), а «Чернильницы нет и в помине, / Поэт, у тебя на столе. // А если и есть – юбилея / Сомнительной радости дар, / Когда голова побелеет / И рифмы слабеет удар...» («Моему «Ундервуду», 191).

Проблеме назначения поэта посвящено стихотворение А. Несмелова «В затонувшей субмарине» (сборник «Белая флотилия», 1942), ритмико-семантическим источником которого, несомненно, является «Волшебная скрипка» Н. Гумилева. Проблематика и поэтика – ритмика, строфика, эвфоника, грамматика, семантика обоих произведений, написанных завораживающим своей музыкой 8-стопным хореем с цезурой между 4-й и 5-й стопами, с перекрестными рифмами каждых четырех строк, во многом совпадают. Однако произведение А. Несмелова носит более трагический характер, ибо посвящено судьбе поэта-эмигранта. «Заживо замурованными», по выражению рано ушедшего из жизни талантливого поэта Бориса Поплавского (1903–1935), в эмиграции ощущали себя многие.

Сравним первые строфы произведений обоих поэтов. «Волшебная скрипка» Н. Гумилева:

Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка,
 Не проси об этом счастье, отравляющем миры.
 Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка,
 Что такое темный ужас начинателя игры. (82)

«В затонувшей субмарине» А. Несмелова:

Облик рабский, низколобый отрыгнет поэт, отринет:
Несгибаемые души не снижают свой полет,
Но поэтом быть попробуй в затонувшей субмарине,
Где печать свою удуше на уста твои кладет. (143)

«Субмарина затонула»... «Больше ничего не будет»

К метафорическому определению своего творчества как «затонувшей субмарины» Арсений Несмелов не случайно обратится незадолго до своей трагической гибели в разговоре с харбинской журналисткой Е.А. Сентяниной (матерью Валерия Перелешина): «Неужели вы не видите, что все идет к концу? Больше ничего не будет. И ничего не нужно. Я собирался издать книгу стихов. Бумагу закупил. А вчера отдал бумагу даром. Книг больше не будет. Субмарина затонула» [21].

Предвидения поэта

Это предсказание оказалось пророческим, и сбылось точно так же, как и многие другие предвидения поэта. Одно из них – о судьбе русской диаспоры на Дальнем Востоке, о ее полном исчезновении, о судьбе Харбина:

Как чума, тревога бродит, –
Гул лихих годин...
Рок черту свою проводит
Близ тебя, Харбин!
Взрывы дальние, глухие,
Алый взлет огня, –
Вот и нет тебя, Россия,
Государыня! /.../
Милый город, горд и строен,
Будет день такой,
Что не вспомнят, что построен
Русской ты рукой...

(«Стихи о Харбине», 117–118)

Несмеловская оценка деятельности Петра I в «Стихах о Харбине» («Не Петровской ли закваски /Запоздалый след?», 117) лежит, с одной стороны, в русле **славянофильской концепции об особом пути развития и особом предназначении России**, а с другой – она вполне укладывается в традицию отечественной литературы революционных и послереволюционных лет, когда подобные оценки можно было найти в творчестве таких, например, поэтов, как Марина Цветаева (стихотворение «Петру», 1920): «Ты под котел кипящий этот / Сам подложил углей! / Родоначальник – ты – Советов...» [22], Максимилиан Волошин (поэма «Россия», 1924): «Великий Петр был первый большевик...» [23].

В течение первого послевоенного десятилетия некогда огромная русская диаспора в Китае исчезла совсем: одни были репатриированы в СССР, другие бежали – в США, Южную Америку, Австралию.

Еще одно пророчество

Другое пророчество Арсения Несмелова – о смерти в тюрьме. В его стихотворении «Моим судьям» – связанное с религиозными убеждениями естественное, не показное отсутствие боязни насильственной смерти. С поразительной точностью поэт предсказал обстоятельства своей гибели:

Заторопит конвоир: «Не мешкай!»
 Кто-нибудь вдогонку крикнет: «Гад!»
 С никому не нужною усмешкой
 Подниму свой непокорный взгляд. /.../
 К надписям предшественников – имя
 Я прибавлю горькое свое.
 Сладостное «Боже, помяни мя»
 Выдолбит тупое острие.
 Все земное отжену, оставлю,
 Стану сердцем сумрачно-суров,
 И, как зверь, почувствовавший травлю,
 Вздрогну на залязгавший засов.
 И без жалоб, судорог, молений,
 Не взглянув на злые ваши лбы,
 Я умру, прошедший все ступени,
 Все обвалы наших поражений,
 Но не убежавший от борьбы! (151)

Крестный путь
русских поэтов

А. Несмелов умер на полу пересылочной тюрьмы пограничной с Маньчжурией станции Гродеково близ Владивостока. И в этой трагедии – также поразительное совпадение жизненного финала двух поэтов. В написанном за пять лет до гибели «Рабочем» (первая публикация – в 1916 г. в газете «Одесский листок», затем включен в состав сборника 1918 г. «Костер») Н. Гумилев с такой же поразительной точностью, как впоследствии А. Несмелов, предсказал не только сам факт и место, но даже время своей смерти (он был расстрелян 25 августа 1921 г.):

Упаду, смертельно затоскую,
 Прошлое увижу наяву,
 Кровь ключом захлещет на сухую,
 Пыльную и мятую траву.
 И Господь воздаст мне полной мерой
 За недолгий мой и горький век... [24]

Верные долгу и христианским заповедям, оба поэта прошли свой крестный путь до конца.

1. Цит. по: *Витковский Е.* Возвратившийся ветер // «Мы жили тогда на планете другой...» Антология поэзии русского зарубежья. 1920–1990 (Первая и вторая волна). Книга первая. М., 1995. С. 24.

2. *Несмелов А.* Без Москвы, без России: Стихотворения. Поэмы. Рассказы. М., 1990. С. 84.

Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы.

3. Гумилев Н. Письма о русской поэзии // Гумилев Н. Соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 20.
4. Цветаева М. Собр.соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 2. С. 8.
5. Гумилев Н. Соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 1. С. 289.
6. Книга «История русской эмиграции в Шанхае» написана Ван Джи Чаном. Отечественного аналога – «История русской эмиграции в Китае» – до настоящего времени не существует.
7. Гумилев Н. Собр. соч: В 3 т. Т. 1. С. 172.
8. Там же. С. 91.
9. Бердяев Н. Смысл истории. М., 1990. С. 33.
10. Там же. С. 144.
11. Там же. С. 143.
12. Волошин М. Жизнь – бесконечное познание. М., 1995. С. 91.
13. Борис Чичибабин в стихах и прозе: В 2 т. Харьков, 1998. Т. 1. С. 367.
14. Цит. по: Кунина И. Моя гумилевская весна // Литературное обозрение. 1991. № 9. С. 101.
15. См.: Несмелов А. Без Москвы, без России: Стихотворения. Поэмы. Рассказы. М., 1990. С. 452.
16. Гумилев Н. Письма о русской поэзии // Гумилев Н. Соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 3. С. 20.
17. Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Николай. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 21.
18. Гумилев Н. Соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 1. С. 308.
19. Там же. Т.3. С. 230.
20. Цит. по: Библиотека Александра Блока. Описание. Кн.1. Л., 1984. С. 254.
21. Цит. по: Перелешин В. Об Арсение Несмелове // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 673.
22. Цветаева М. Собр.соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 1. С. 565.
23. Волошин М. Жизнь – бесконечное познание. М., 1995. С. 185.
24. Гумилев Н. Соч.: В 3 т. М., 1991. Т.1. С.216.